АМЕРИКАНСКИЙ СОЛДАТ ХЭРОЛД ЭЛЛЕН (HAROLD D. ALLEN – 1925-2013) РАССКАЗЫВАЕТ О НЕСКОЛЬКИХ ЭПИЗОДАХ АРДЕННСКОГО СРАЖЕНИЯ

После обучения я стал стрелком и разведчиком (first scout) роты «А» 1-го Батальона 424-го Пехотного Полка 106-й Пехотной Дивизии и 20 октября 1944, в день, когда мне исполнилось 19 лет, взошел на борт английского судна *Aquitania* в гавани Нью-Йорка. Мы провели месяц в лагере, расположенном рядом с городком Бэнбьюри (Banbury, Англия), а затем нас переправили во Францию. Мы высадились в Гавре и пару ночей провели в его окрестностях. Потом мы уселись в грузовики и через 36 часов спрыгнули на землю на склоне какого-то холма, оказавшись по колено в снегу где-то неподалеку от городка Сен-Вит (St. Vith) в Бельгии. Мы поднялись по склону холма со всем нашим снаряжением и в темноте установили палатки. Там мы провели 3 или 4 дня, а затем перебрались в маленькую деревню, поселившись в местных домиках.

Утром 16 декабря нас разбудили разрывы снарядов, падавших где-то поблизости. Нас быстро погнали на завтрак, после чего мы погрузились на машины, которые перевезли нас в деревню Винтерспельт/Winterspelt. Мы поспешно покинули грузовики, поскольку нас обстреливала артиллерия противника. На бегу я услышал близкий взрыв, упал на землю, вскочил и побежал дальше. Элдон Бэйн (Eldon Baine) из Индианаполиса потом сказал мне, что следующий снаряд разорвался примерно в том месте, на котором я припал к земле. Мы окопались на окраине Винтерспельта, а штаб нашего взвода расположился в здании фермы близ дороги. Наши окопы оказались примерно в ста ярдах позади штаба, вблизи живой изгороди (hedgerow). Весь день и всю ночь мы были под обстрелом. Сразу после наступления темноты сержант Мид (Meade) приказал мне и Полу Эйерсу (Paul Ayers) выдвинуться вперед и окопаться, чтобы лучше слышать происходящее. Мы так и сделали, но все, что мы слышали, было гулом снарядов и грохотом разрывов. Позднее кто-то заменил нас, и, скажу я вам, как хорошо было оказаться вновь в глубоком окопе. Затем артобстрел прекратился, и мы увидели, как по дороге к нам приблизились немецкие танки – десятки танков. Первый танк остановился рядом со зданием фермы, и немцы взяли в плен всех наших взводных командиров. Мы видели, как их усадили на танки…

Танки прошли мимо нас, затем появилась немецкая пехота, я бы сказал, их были тысячи. Нас было человек двадцать, мы сидели тихо и просто смотрели на них. Позднее появилась их артиллерия – орудия тащили лошади. Они остановились рядом со зданием фермы и начали окапываться. И тут мы решили, что пора сваливать. Немного отступив, мы уперлись в изгородь. У одного из парней были кусачки [для колючей проволоки], и он прорезал проход для нас. Я пролез в проход, какое-то время продвигался вдоль изгороди, но все наши куда-то исчезли. Выходит, я потерял своих, поэтому я повернул назад и вернулся к проходу. От прохода я пошел вниз по склону, пока в небольшой рощице не наткнулся на своих товарищей. Мы решили, что рощица слишком мала, чтобы спрятаться в ней, и поэтому пошли вверх по склону какого-то холма, поросшего деревьями покрупнее. На этом склоне мы отсиделись до рассвета. Когда наступило утро, на противоположном склоне долины мы увидели своих. Мы направились в их сторону, не подумав о том, что днище долины может быть заминировано или о том, что немцы могут заметить нас. Мы просто хотели добраться до своих, и это нам удалось. Это были наши саперы - они сказали нам, где находится штаб нашего батальона. Когда мы добрались до штаба, там оказался наш полковник Уэлш

(Welch). Он отправил нас обратно к саперам, где мы окопались вместе с ними…

Уже вскоре выяснилось, что Эллен и другие американцы оказались в окружении.

Ночью мы все вышли на дорогу, чтобы попытаться выбраться. Нас было, вероятно две или три сотни. По какой дороге мы ни пытались выйти, каждый раз натыкались на немцев. В итоге, мы сошли с дороги, чтобы дождаться рассвета и затем попытаться пробиться с боем к своим. Из нашей роты «А» нас было пятеро: Джек Брэннон (Jack Brannon), Мартин (Martin), Болин (Bolin), я и еще один парень, имени которого я не помню. Немцы сконцентрировали на нас огонь своих минометов, при этом небольшой осколок пробил отверстие в прикладе моей винтовки. Мы снова выбрались на дорогу и, в конце концов, добрались до своих. Припоминаю, что мы шли по железнодорожному полотну и перешли через какую-то речку по деревянному мостику с разбитыми опорами. При этом я слышал, как шумит вода где-то у нас под ногами. Не помню, насколько большим был поток – тогда я старался не думать, что где-то подо мной вода. На следующее утро мы добрались до какого-то перекрестка и тут столкнулись с нашим полковым командиром полковником Ридом (Reid). Как мы рады были увидеть его! Это случилось утром 18 декабря.

1-й Батальон постепенно собрался вместе. К тому времени я потерял своего лучшего друга Пола Эйерса (Paul Ayers), с которым мы были вместе со времени, проведенного в учебном лагере Блэндинг (Blanding) во Флориде. Он и Элдон Бэйн попали в плен, но потом сумели бежать. В роте «А» теперь было всего 32 человека. Штаб батальона обосновался в здании какой-то фермы, и меня с Джеком Брэнноном сделали посыльными при нем, в то время как рота была отправлена вперед, чтобы окопаться.

Около полуночи нас подняли и приказали доставить в роту какое-то послание. Ну, мы сказали, что толком не знаем, где рота находится. Водитель джипа нашей роты Херман Ван де Богарт (Herman Van De Bogart), который умудрился где-то потерять свою машину, сказал, что знает, где находится наша рота, и что отведет нас туда. Мы пошли по дороге, болтая и смеясь, прошли через небольшую деревню, продолжая трепаться и громко топать. Когда мы дошли до дальнего края деревни, Богарт неожиданно сказал, что мы забрели слишком далеко, и что наша рота находилась перед этой деревней. Ну мы и перепугались… Рванули назад, пытаясь бежать на цыпочках, при этом все помалкивали. Нам удалось вернуться, найти свою роту и передать послание лейтенанту Биселеру (Beseler). Он потом окажется единственным нашим офицером, пережившим бои за Выступ *(Battle of the Bulge - так американцы называют Арденнское сражение из-за формы, которую приобрела линия фронта в результате немецкого наступления - ВК)*, и станет нашим ротным командиром.

Я не знаю, где были немцы, когда мы проходили через деревню, но к рассвету они точно были в ней. Рота «А» имела на вооружении только винтовки. Думаю, только в роте «С» был 60-мм миномет. Мы держались в обороне 2 или 3 дня, потом немцы атаковали нас при поддержке танка. Под огнем пулеметов и 88-мм орудий мы поспешно отступили. Добравшись до расположения батальонного штаба, мы перевели дух и повернули назад, вверх по склону холма. На следующее утро, под огнем, мы пошли в атаку, перевалили через вершину холма и загнали немцев обратно в деревню. Немцы засыпали нас 50-мм минами, но наша артиллерия помогла нам. В том бою мы потеряли двоих убитыми. Капрал Келли был между этими двумя парнями, когда осколочный снаряд, выпущенный немецким танком, разорвался напротив него, убив парней рядом с ним. Его на какое-то время оглушило, при этом его каску смяло так сильно, что он уже не мог ее одеть. Эта каска спасла ему жизнь. Поздее этот парень получил временное боевое звание 2-го лейтенанта.

Мы перешли к обороне на пару дней, а потом получили приказ отступить, поскольку немцы прорвали нашу линию обороны по обе стороны от нас. Целый день мы отступали, продвигаясь цепочкой по одному, поскольку вокруг рвались снаряды. Нам посчастливилось выбраться, и ночью мы окопались рядом с какими-то танками. В ту

ночь нам выдали пятигаллонный (около 20 литров) котел горячего кофе. Мы в первый раз после 16 декабря глотали что-то горячее. Если я скажу вам, сколько раз мне пришлось выползать и своего окопчика в ту ночь, вы мне не поверите.

Нас перебросили к линии фронта. Каким-то образом мой взвод оказался отделенным от остальных взводов роты широкой долиной. Перебравшись через нее, мы присоединились к роте «К». Жили мы в трех блиндажах по три человека в каждом. В день мы получали два раза горячее питание, а на ланч – рацион «К» (K-ration). Днище долины было заболоченным, и за завтраком и ужином нам приходилось посылать людей пешим ходом на другой ее берег, куда подвозил еду Богарт, водитель ротного джипа.

Одним вечером наступила моя очередь. Мы добрались до места, и, пока ждали джип, рядом с нами упало 3 или 4 снаряда. Никто не пострадал, но страху было немало. По пути назад мы проходили мимо наблюдательного пункта артиллеристов, которым мы сказали, что попали под обстрел. Они пообещали проверить наводку своих орудий и убедиться в том, что это произошло не из-за их недолетов. На другой вечер обстрел повторился, но опять обошлось без потерь. Артиллеристы сказали нам, что обстрел был со стороны немцев, так как с их орудиями было все в порядке. Мы внимательно осмотрели местность ниже по долине и разглядели ДОТ: я догадался, что немцы оттуда следили за нами и постарались испортить нам апетит. Больше обстрелов, однако, не было.

Как я уже говорил, мы жили неплохо, спали по три человека в блиндаже и ели три раза в день. На каждого приходилось дважды по два часа в ночном карауле. Мы также временами ходили в патрули, и этого я боялся. Один из наших патрулей наткнулся на немцев, и нас позвали на помощь. Перестрелка продолжалась недолго, но один из наших парней был убит. Говорили, что ему было всего 17 лет…

Как-то раз лейтенант Гэррет (Garret) сказал, что ему нужны добровольцы: «Ты, ты и ты – пошли со мной.» Мы прошли через немецкое минное поле и спустились в какие-то окопы глубиной по пояс. Лейтенант сказал, что нам предстоит захватить ДОТ. Ребята, меня просто пот прошиб! Он пояснил, что пойдет первым, а мы будем следовать за ним. Подошли к ДОТу, открыли дверь, он прокричал несколько слов по-немецки и швырнул внутрь ручную гранату. Как только она разорвалась, мы вошли в ДОТ. Мы еще несколько раз бросали гранаты перед тем, как войти в каждую из комнат, которых было 4 или 5, так никого и не нашли и были этим вполне довольны. В последней комнате мы увидели две амбразуры, одну для 88-миллиметровки, другую для пулемета. Я пришел к выводу, что стреляли по нам именно отсюда тогда, когда мы ходили за едой.

Лейтенант приказал четверым из нас остаться охранять ДОТ. Один рядом с ним, другой примерно в 25 ярдах, в окопе, а двое могли позволить себе поспать в блиндаже, расположенном еще на 25 ярдов дальше. Мой приятель сказал, что останется рядом с ДОТом, я могу занять пост в 25 ярдах от него, а еще двое пускай спят в блиндаже. В 10 вечера наши два часа в карауле закончились, поэтому я пошел к блиндажу, чтобы разбудить двоих других парней. Так они мне заявили, что не собираются стоять на часах у ДОТа. Несколько минут мы спорили, в конце концов, я сказал им, чтобы они шли со мной, чтобы сменить моего приятеля. Ну, пошли туда, так они потом последовали за нами и заявили, что будут стоять на часах только у блиндажа. В 12 ночи они нас разбудили, но мы не решились возвращаться к ДОТу, так как немцы могли преспокойно туда вернуться и просто поджидать нас. Так мы все и провели остаток ночи у блиндажа. Наступил рассвет. Мы с приятелем сказали этим двоим, что нужно идти зачищать ДОТ от немцев, но они опять отказались. Просто сказали: «Ни под каким видом.» У нас могли возникнуть проблемы, так как мы покинули пост – сами знаете, что это могло означать. Я и мой приятель вернулись к ДОТу, осмотрели комнату за комнатой, трясясь от страха и ожидая того, что немцы подстерегают нас. По счастью, в ДОТе никого не оказалось, думаю, немцы окончательно покинули эту позицию, но мы-то этого не знали, и у нас просто поджилки тряслись. Мы, в итоге, ушли оттуда и никому ничего не стали

рассказывать о случившемся… В тот же день нас отвели в тыл.

Следующая история, вероятно, будет последней. Я не знаю, где мы были и по какой-причине мы там были. Короче, мы вошли в лес, никто нам не сказал, что там происходило до этого. А произошло вот что: наша артиллерия накрыла немцев бризантными снарядами, и трудно описать словами, что с ними стало после этого. Деревья были просто перемолоты на куски осколками. Похоже, снаряды были установлены на взрыв над вершинами деревьев. Там, в лесу, я подобрал немецкую каску – я до сих пор храню ее. Вообще, как-то раз я сам попал под обстрел бризантными снарядами, но они были установлены на взрыв на большой высоте, и мы не сильно пострадали. Но то, что натворили наши снаряды, невозможно рассказать. Лучше бы увидеть это самому, но, я надеюсь, вам это не грозит.

Еще был случай, когда мы наткнулись на место, где немцы застали наших парней спящими в спальных мешках. Так они всех перекололи штыками. Это произошло за пару дней до того, как мы набрели на эту точку, и можно было понять, как все произошло. Похоже, наша часть захватила немецкое орудие, установленное на железнодорожную платформу, и немцы пришли, чтобы отбить его у нас. Орудие к этому времени, скорее всего, уже было взорвано. Я видел обломки орудийного ствола, и, скажу я вам, я смог бы проползти через него… После всего увиденного, зная, что случилось с этими парнями, заснуть было нелегко.

Был и случай, вспоминая который я всегда смеюсь. Где то ближе к 20 января я получил трехдневный отпуск и пропуск в Париж. Мы остановились в прекрасном отеле, еда была превосходной, но я к тому времени здорово оголодал. Ну, нашел я столовую, в которой питались войска, стоявшие в Париже. Столовая была огорожена, и при входе у парней проверяли какие-то пропуска. Я втиснулся в очередь и проскользнул в эту столовую. Если говорить о еде, то тогда я действительно наелся до отвала. Интересно, что бы со мной сделали, если бы поймали? Может, и на на фронт больше бы не пустили. Ну не ужасно ли?

Бой 13 января 1945 года

Где-то 8 января, сразу после завтрака, нам приказали выдвинуться на передовую. 1-й лейтенант МакКэй (McKay), наш новый ротный командир, сказал нам, что у нас приказ отбить то, что мы потеряли во время боев за *Выступ*. Повсюду были глубокие сугробы, и было холодно. Мы дождались темноты, пришли грузовики, на которых мы ехали где-то час. Затем мы начали пеший марш. Каждый час мы останавливались на десятиминутный привал. Я так вымотался, что просто падал в снег и засыпал. Офицеры будили нас, когда наступал момент трогаться дальше. Так мы шли часов до трех или четырех утра. Затем нам показали, где окапываться, и дали понять, что окопаться и замаскироваться нужно как можно лучше до рассвета, иначе свежевыброшенная земля выдаст наши позиции немцам.

В каждом окопчике нас было по двое. Один должен был оставаться начеку все 24 часа в сутки. На двоих у нас было одно солдатское одеяло. Один стоял на часах, пока другой спал или пытался спать. Когда наступал мой час быть в карауле, я все время подпрыгивал, бегал на месте и просто что-то делал, чтобы согреться. Когда наступал мой час сна, я заворачивался в одеяло, засыпал, но просыпался еще до того, как истекал мой час, дрожа от холода. В какой-то момент я даже бросил наш окоп и ушел в близлежащую деревню, чтобы согреться, но там все было забито людьми, было очень шумно, и я уже вскоре вернулся на свое место.

Эпизод окопной жизни в Арденнских лесах

Вечером 12 января нам выдали белые накидки для камуфляжа. На следующее утром нам предстояло идти в атаку. Мы покинули наши окопы еще до рассвета и приблизились к населенному пункту, из которого нам было необходимо выбить немцев. Мы шли вперед, растянувшись в полукруг. В назначенное время наша артиллерия, минометы, пулеметы открыли огонь, мы тоже стреляли из наших винтовок. Прошли через этот городок, очистили его от немцев и, припоминаю, что взяли одного пленного. Остальные немцы просто сбежали, причем так быстро, что их завтрак был до сих пор на плите. Но и у нас не было времени на то, чтобы съесть его за них…

Американские солдаты в период сражения за Выступ

Мы двинулись к следующей цели. Меня послали вперед в качестве разведчика. Шли мы по густому лесу, но потом я и еще один парень вышли в заросшее кустарником пространство и попали в засаду. Огонь противника отсек нас от нашей роты. Пули летели всюду и везде, и мы попытались уползти под снежным покровом. Ползли-ползли, затем я остановился, поднял голову и увидел нашего полковника Уэлша. Он спросил

меня, где радист. Я ответил, что радист находится вместе со всей ротой где-то дальше в лесу. Он приказал мне вернуться, найти радиста и привести его к нему, поскольку ему нужно было выйти на связь. Я вернулся, нашел радиста – к тому времени наши ребята уже вели огонь по противнику. Однако наши пулеметы, точнее, охлаждающая их вода замерзла, и пулеметчикам пришлось мочиться на пулеметы, чтобы иметь возможность стрелять. Пулеметы снова открыли огонь, и вместе с минометами и винтовками сделали свое дело. Мы добрались до того места, где я оставил полковника, он вышел на связь, а затем приказал нам возвращаться в роту.

Немцы прятались где-то в засыпанных снегом зарослях и видели нас, но мы никого не могли разглядеть. Пулеметчики продолжали поливать кустарники свинцом, и немцы начили кричать: «Comrade!» Не знаю, сколько их было убито или ранено, но мы выбили их с оборонительной линии, отобрали у раненых немцев винтовки и оставили их на месте дожидаться санитаров, а пленных отправили в тыл.

Арденны. Немецкие военнопленные

Мы снова пошли вперед по просеке. Вдруг кто-то из шедших в авангарде закричал «ТАНК!» и там же упал в снег… Часть из нас сместилась влево, часть – вправо. Я шел рядом с лейтенантом МакКэем, и тут мы с ним увидели прямо напротив 88-миллиметровый ствол танковой пушки. Я уже было решил, что нам пришел конец. Двое каких-то парней оказались между нами и танком, МакКэй позвал их, и они немедленно залегли. Оказалось, это были немцы в наших солдатских шинелях! Лейтенант швырнул в них гранату и через пару минут приказал нам оставаться на своих местах, поскольку сам решил перебраться на другую сторону просеки и найти ребят с базуками, чтобы разобраться с танком… Позднее я узнал, что он был убит, подробности так и остались мне неизвестны. Поднялась такая стрельба, что я даже не услышал, как танк ушел с места боя.

И тут вновь появился полковник Уэлш. Он сказал, что нам необходимо выполнить свою боевую задачу, даже если нам придется продвигаться вперед вплоть до наступления темноты. Мы тронулись вперед и снова оказались в густом лесу. Ниже, в долине, мы разглядели деревню. На другой ее стороне мы увидели выдвигающиеся вперед немецкие танки. Каждый раз, когда они останавливались и выплевывали облачка дыма, мы знали, что к нам летит «почта». Снаряды начали рваться где-то над вершинами деревьев, буквально засыпая нас осколками. Слева и справа от меня наши парни падали в снег. Полковник кричал, приказывая продвигаться вперед, но и его ранило – в ягодицу и в ногу. И тогда он приказал отступать. Нам пришлось оставить своих раненых. Мы отдали им свои пончо, наступила темнота, и санитары начали оттаскивать их в тыл…

Мы отступили в заросли и там провели ночь. Все так устали, что не было даже сил вырыть окопчик, поэтому мы просто сгребли снег в сторону и улеглись на землю. Рядом со мной был Фредди Бимэн (Freddie Beeman) из городка Клинтон/Clinton в штате Айова. И он, и я отдали свои пончо раненым, поэтому нам и лечь было не на что, и укрыться было нечем. Мы улеглись, прижавшись друг к другу. Разумеется, в такой холод нам согреться так и не удалось, но я уверен, что благодаря этому мы не замерзли до смерти, как некоторые из нас в ту ночь. Еще до рассвета нас сменила рота «F», и, когда офицеры стали поднимать нас и строить, кто-то из парней так и не встал. Мы побрели к ближайшей деревне, где нам посчастливилось укрыться от мороза и согреться. Я снял свои ботинки и носки и увидел лед между пальцами. Не знаю, правда это или нет, но слышал, что в ту ночь температура упала до -35. Знаю одно – было и правда холодно…

Джи-Ай греются у костра где-то в Арденнах

http://www.battleofthebulgememories.be/stories26/us-army25/855-my-experience-in-the-battle-of-the-bulge.html

http://legalinsurrection.com/2014/12/christmas-1944-the-battle-of-the-bulge/

http://time.com/3628396/battle-of-the-bulge-rare-photos-from-hitlers-last-gamble/

Перевод и обработка – Владимир Крупник

Возврат на главную страницу www.warsstory.org